

ГИМНЪ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Между сочиненіями Климента, въ концѣ втораго и въ началѣ третьяго вѣка стоявшаго во главѣ александрійскаго огласительнаго училища, сохранился *гимнъ*, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ и издавна считавшійся досточиннымъ и въ своемъ родѣ единственнымъ остаткомъ изъ глубокой христіанской древности. Ибъ, изъ трехъ первыхъ вѣковъ, хотя и есть указанія на составленіе гимновъ, этотъ гимнъ однако одинъ только сохранился подъ этимъ именемъ. И положеніе, какое занималъ авторъ во главѣ названной школы и въ качествѣ знамениаго учителя древней церкви, даеъ этому стихотворенію высокое значеніе, тѣмъ больше, что оно имѣетъ особенное отношеніе къ сочиненіямъ Климента. Это отношеніе гимна къ личности Климента и его сочиненіямъ, къ которымъ онъ ближайшимъ образомъ примыкаетъ, равно какъ принадлежность его къ разряду поэтическихъ произведеній наводитъ на нѣкоторые вопросы, разъясненіе коихъ необходимо для уразумѣнія и оцѣнки этого стихотворенія.

I.

Начало самобытному, христіански—поэтическому творчеству положено, безъ сомнѣнія, въ эпоху апостольскую,—эпоху, полную высокаго религіознаго одушевленія и священнаго восторга, порожденнаго христіанствомъ. Первое посланіе ап. Павла къ Коринѣянамъ служитъ для насъ живымъ отголоскомъ священно-поэтическаго вдохновенія, ка-

кимъ исполнено было юное коринѣское общество, и которое, безъ сомнѣнія, исполняло въ свое время и другія христіанскія общества, принявшія христіанство раньше, у которыхъ оно перешло въ сознательное спокойное настроеніе, улеглось въ опредѣленныя, правильныя формы, свойственныя зрѣлому состоянію общества. Эти формы напоминаетъ тотъ же ап. Павелъ ефесскимъ христіанамъ: „не упивайтесь виномъ... , но исполняйтесь духомъ, назидая самихъ себя псалмами, славословіями и пѣснями духовными“; и Колоссянамъ: „научайте и вразумляйте другъ друга псалмами, славословіемъ и пѣснями духовными“. Коринѣскимъ христіанамъ онъ даетъ наставленіе относительно порядка, какого они должны держаться въ употребленіи тѣхъ или другихъ формъ, чтобы все было къ назиданію, все было благообразно и чинно, какъ бываетъ въ другихъ старѣйшихъ церквахъ. Религіозное вдохновеніе, исполнявшее апостольскія общества, такимъ образомъ находило свое выраженіе въ псалмахъ, славословіяхъ или гимнахъ и пѣсняхъ духовныхъ. Подъ псалмами, очевидно, нужно разумѣть псалмы ветхозавѣтные, употреблявшіеся при богослуженіи. Славословія или гимны, по мнѣнію ученыхъ,—суть церковно-общественныя пѣсни, произносившіяся торжественно при богослужебнымъ собраніяхъ и быть можетъ перешедшія въ христіанство изъ іудейской церкви. Что же касается „духовныхъ пѣсней“,—то подъ ними слѣдуетъ разумѣть духовныя пѣсни субъективнаго характера, которыя слагались подъ особеннымъ, временнымъ вдохновеніемъ Духа Божія, слѣдовательно самостоятельныя, чисто—христіанскія произведенія. Въ этого рода пѣсняхъ вдохновенный членъ общества изливалъ свое субъективное чувство, овладѣвавшее имъ въ данную минуту, и въ формѣ иногда понятной ему одному и недоступной большинству молящихся. Пристрастіе къ этого рода пѣснямъ ап. Павелъ обличаетъ въ коринѣскомъ обществѣ и рекомендуетъ рядомъ съ пѣснями субъективнаго, индивидуальнаго характера, понятными лишь одному поющему,

пѣсни объективнаго, общественнаго характера, доступныя вѣмъ. Это различіе нужно имѣть въ виду, потому что свободная импровизація существовала еще въ литургической практикѣ Тертуліана, а слѣдовательно и Климента, и что гимнъ послѣдняго есть плодъ подобной импровизаціи. Въ писаніяхъ апостола Павла встрѣчаются отрывки пѣсней, употреблявшихся, по всей вѣроятности, при богослуженіи его времени. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ археологовъ западныхъ, принятому и въ нашей духовной литературѣ, въ посланіи къ ефесянамъ остатокъ одной изъ церковныхъ пѣсней апостольскаго времени составляютъ слова: „востани спай“ и пр.; а такъ же слова во 2-мъ посланіи къ Тимофею: „если съ Нимъ умерли, съ Нимъ и оживемъ“. . . . , и наконецъ въ томъ же посланіи слова: „Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духъ“...

Откровеніе Іоанна Богослова представляетъ цѣлый рядъ пѣсней и славословій. Оно изображаетъ вѣчное торжество общества или церкви, празднующей свою побѣду надъ врагами и судъ, свершающійся на землѣ. Тамъ раздаются пѣсни во славу Господа, воспѣваемые какъ четырьмя животными, которыя день и ночь не имѣютъ покоя, такъ и 24-мя старцами,—пѣсни, въ которыхъ прославляются дѣло творенія и дѣло искупленія. Тогда какъ животные взываютъ: „святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель, который былъ, есть и грядетъ, двадцать четыре старца падаютъ предъ сидящимъ на престолѣ, говоря: „достоинъ Ты, Господи, пріять славу и честь и силу: ибо Ты сотворилъ все, и все по Твоей волѣ существуетъ и сотворено.“ А когда Агнецъ взялъ книгу изъ десницы сидящаго на престолѣ, тогда четыре животныхъ и двадцать четыре старца, какъ бы сливаясь въ одинъ хоръ поютъ новую пѣснь: „достоинъ Ты взять книгу и снять съ нея печати: ибо Ты былъ закланъ, и кровью своею искупилъ насъ Богу изъ всякаго колѣна и языка и народа и племени и содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и мы будемъ царствовать на

землѣ“. Къ животнымъ и старцамъ присоединяются Ангелы и этотъ хоръ, который составляютъ тмы темъ и тысячи тысячъ, продолжаетъ вачатую пѣснь: „достоинъ Агнецъ закланный принять силу, и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу и благословеніе. Этому хору вторить всякое созданіе, находящееся на небѣ и на землѣ и подъ землею, и на морѣ, и все, что въ нихъ, и говоритъ: „сидящему на престолѣ и Агнцу благословеніе и честь и слава и держава во вѣки вѣковъ“. Наконецъ, является великое множество людей, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и съ палмовыми вѣтвями въ рукахъ, которые восклицаютъ громкимъ голосомъ: „спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Агнцу!“ Всѣ ангелы присоединяютъ къ нимъ свои голоса и завершаютъ ихъ пѣснь, говоря: „аминь; благословеніе и слава, и премудрость, и благодареніе, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь“. Сверхъ того казни послѣдняго суда сопровождаютъ пѣснію на небѣ и пѣснію двадцати четырехъ старцевъ; а также и сто сорокъ четыре тысячи искупленныхъ отъ земли поютъ новую пѣснь предъ престоломъ и побѣдители звѣря поютъ пѣснь Моисея и Агнца.

Какъ своимъ составомъ, такъ и богатствомъ своихъ гимновъ, Апокалипсисъ представляетъ живой отголосокъ того высокаго мистически—поэтическаго одушевленія, какое таилось въ глубинѣ древне-христіанскаго сознанія, спорадически пробивалось наружу и которому суждено было наложить мистическую печать на христіанское богослуженіе, на почвѣ котораго оно само возникло и развилось. Въ гимнахъ Апокалипсиса мы владѣемъ, безъ сомнѣнія, только такъ сказать отдѣльными строфами болѣе сложныхъ и богатыхъ содержаніемъ пѣсней, въ которыхъ изливалась поэтически—настроенная душа христіанъ апостольскаго времени.

Если изъ апостольскаго времени не осталось прямыхъ свидѣтельствъ объ употребленіи священныхъ пѣсней при богослуженіи, кромѣ предполагаемыхъ остатковъ отъ этихъ пѣсней въ посланіяхъ ап. Павла и апокалипсическихъ гимновъ,—за то въ послѣапостольское время скоро встрѣчаемъ болѣе или менѣе ясныя свидѣтельства объ употребленіи пѣснопѣнія при богослуженіи вообще и о существованіи пѣсней, быть можетъ, унаслѣдованныхъ отъ временъ апостольскихъ.

Изъ апостольскихъ мужей Игнатій убѣждаетъ христіанъ своего времени чаще собираться для евхаристіи и *славословія* Бога: подчеркнутое выраженіе обнимаетъ, безъ сомнѣнія, весь тогдашній составъ пѣснопѣвій.

За этимъ общимъ указаніемъ слѣдуютъ нѣсколько свидѣтельствъ изъ втораго вѣка.

Первое свидѣтельство принадлежитъ язычнику Плинію второму или младшему, проконсулу Визиніи (отъ 104 года), которому предписано было отъ императора Траяна сдѣлать дознаніе, относительно христіанъ и ихъ собраній. Въ своемъ письмѣ къ Траяну Плиній извѣщаетъ, что христіане на допросѣ показали, между прочимъ, что они собираются въ извѣстный день рано утромъ *пѣть хвалебную пѣснь Христу, какъ Богу*. Что это была за пѣснь,—изъ извѣстія не видно. По мнѣнію болѣе авторитетныхъ ученыхъ, основанному на филологическихъ соображеніяхъ, у Плинія имѣется въ виду не одна какая нибудь пѣснь, а цѣлый составъ молитвъ и пѣсней въ честь Іисуса Христа.

Другое свидѣтельство оставилъ тотъ же язычникъ Лукіанъ въ діалогѣ Филопатръ. Онъ рассказываетъ, что, вошедши однажды въ собраніе христіанъ, онъ слышалъ молитву, начинающуюся „Отцемъ“ и оканчивающуюся пѣснію многихъ именъ. Подъ этою молитвою можно разумѣть и молитву Господню, оканчивавшуюся славословіемъ, и великое славословіе.

Дальше из середины второго вѣка свидѣтелемъ является Іустинъ мученикъ. Правда, при описаніи общественнаго богослуженія своего времени онъ не упоминаетъ о пѣніи; но въ другомъ случаѣ, защищая христіанъ отъ упрека со стороны язычниковъ въ безбожіи, онъ ссылается на то, что они почитаютъ Бога, но считаютъ достойнымъ образомъ чествованія Его—тотъ, когда въ чувствѣ благодарности приносятъ Ему торжественныя *служенія* и *пѣсни*.

Но самое ясное и рѣшительное извѣстіе объ употребленіи самостоятельныхъ христіанскихъ пѣсней въ общественныхъ собраніяхъ встрѣчаемъ въ концѣ второго вѣка у Тертулліана. Защищая вечера любви отъ взводимыхъ на нихъ язычниками клеветъ. Тертулліанъ говоритъ, между прочимъ, что „по окончаніи обѣда... приносятся свѣтилики и всѣ приглашаются *пропѣть священную пѣснь или отъ себя составленную или извлеченную изъ свящ. писанія*“. Такимъ образомъ обычай существовавшій, по всей вѣроятности, съ первыхъ дней христіанства, продолжается при Тертулліанѣ,—обычай, въ силу котораго въ собраніяхъ пѣлись или пѣсни, взятые прямо изъ Библии, или же составленные по вдохновенію тѣмъ или другимъ членомъ. Хотя вечера любви теперь уже не составляли богослужебнаго акта въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не меньше онѣ, какъ видно изъ самаго описанія ихъ, примыкали къ богослуженію, которое, если не непосредственно, то скоро за ними слѣдовало.

На богослужебное употребленіе пѣсней вообще указываетъ и самъ Климентъ александрійскій, когда изображаетъ жизнь такъ называемаго гностика, христіанскаго мудреца: „его жертва—молитва и хвала и прежде употребленія пищи чтеніе писанія; во время обѣда и предъ наступленіемъ ночи псалмы и гимны; но и ночью многія молитвы“. Это вполне согласно съ описаніемъ Тертулліана общественныхъ вечеровъ; иначе и быть не могло, потому что жизнь гностика, т. е. истиннаго христіанина и жизнь истинно-христіанскаго общества естественно должны совпадать, и дневникъ

гностика, который пишетъ Климентъ, есть дневникъ всего общества. Если Тертуллианъ говоритъ объ употребленіи въ собраніяхъ послѣдняго пѣсней библейскихъ и самосостоятельно-христіанскихъ, то на это же самое указываетъ и Климентъ, по описанію котораго гностикъ, между прочимъ, занимается пѣніемъ псалмовъ и гимновъ. Такимъ образомъ какъ въ частной жизни, такъ и въ общественныхъ собраніяхъ христіанъ рядомъ съ псалмами употреблялись гимны или собственно-христіанскія пѣсни.

Наконецъ, въ началѣ третьяго вѣка является писатель, какъ предполагаютъ Кай въ Римѣ, который указываетъ на составителей пѣсней, прославляющихъ божество Христа. Такъ какъ нѣкоторые еретики (Артемониты) считали ученіе о божествѣ І. Христа нововведеніемъ, утверждая, что будто-бы до римскаго епископа Зефирина († 218) Ему не воздавали божеской чести, то онъ возражалъ: „псалмы и пѣсни (ψαλμοί), изначала составленныя вѣрными братьями, прославляютъ Христа, Слово отъ Бога, и какъ Бога“. Это напоминаетъ на сто лѣтъ древнѣйшее извѣстіе Плинія, что христіане его времени въ своихъ собраніяхъ пѣли пѣснь Христу какъ Богу.

Къ числу этого рода пѣсней примыкаетъ и гимнъ Климента.

II.

Гимнъ Климента находится въ концѣ его сочиненія, носящаго названіе: „Педагогъ“. Послѣ заключенія его, которое содержитъ хвалу Слова и молитву къ Нему, Климентъ прибавляетъ: „поелику же Педагогъ, утвердивши насъ въ церкви, принялъ насъ подъ свое покровительство, какъ Слово, которое наставляетъ и надъ всѣмъ надзираетъ, то прилично намъ здѣсь вознести хвалу и благодареніе Господу—достойныя Его попечительности“. За этимъ слѣдуетъ гимнъ. При такой тѣсной, непосредственной связи гимна съ заключеніемъ сочиненія Климента, повидимому, не можетъ быть

вопроса относительно его автора: авторъ сочиненія есть, конечно, и авторъ гимна. Между тѣмъ въ западной богословской литературѣ высказывались сомнѣнія относительно подлинности послѣдняго, изъ коихъ одно касалось указанного мѣста гимна въ концѣ названнаго сочиненія Климента, другое автора его: здѣсь ли гимнъ первоначально имѣлъ свое мѣсто и если здѣсь, то составленъ ли онъ Климентомъ или найденъ гоговымъ и взятъ имъ для своей цѣли?

Поводомъ къ первому сомнѣнію служить то обстоятельство, что его нѣтъ въ двухъ рукописяхъ, а также и то, что уже упомянутая молитва въ концѣ „Педагога“ заключается словомъ „аминь“. Но что касается перваго обстоятельства, оно далеко не имѣетъ той важности, какую хотять ему придать. Помимо того, что одна изъ этихъ рукописей принадлежитъ слишкомъ позднему времени (именно XVI вѣку),—имъ противопоставляютъ восемь другихъ рукописей, въ которыхъ этого гимнъ находится, и которыхъ вполне достаточно, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе. Другое же обстоятельство, едва ли можетъ имѣть какое—нибудь значеніе, такъ какъ Климентъ и въ другихъ случаяхъ въ срединѣ текста послѣ славословія славить „аминь“¹⁾.—Важнѣе, хотя и не сильнѣе, мнѣніе, будто это—болѣе древній церковный гимнъ, которымъ Климентъ только воспользовался для своей цѣли. Мнѣніе это принято и въ нашей духовной литературѣ. Преосвящ. Филаретъ Черниговскій, признавая молитву, предшествующую гимну одною изъ церковныхъ молитвъ, утверждаетъ, что и гимнъ также есть гимнъ церковный, ссылаясь на выраженіе въ вышеприведенномъ мѣстѣ: „прилично намъ здѣсь, т. е. въ церкви (поясняетъ пр. Филаретъ) вознести хвалу“²⁾. Мнѣнію этому прежде всего противорѣчитъ та цѣль, для которой гимнъ приведенъ:

¹⁾ Paedag. 1, 8.

²⁾ Истор. обзоръ пѣсноп. стр. 49.

принести благодареніе Слову. Было бы странно предполагать, что Климентъ, чтобы принести это благодареніе воспользовался чужимъ гимномъ; и при томъ это мало согласовалось бы съ одушевленнымъ настроеніемъ, какое замѣчается въ концѣ книги. Но самымъ важнымъ и рѣшительнымъ опроверженіемъ указаннаго мнѣнія служить то, что гимнъ не только вѣншимъ образомъ примыкаетъ къ означенному мѣсту, но находится въ тѣсной, внутренней связи какъ съ сочиненіемъ Климента, такъ и съ цѣлымъ образомъ его представленій, такъ что составленіе его является несомнѣннымъ. Подтвержденіе этому мы можемъ указать въ частностяхъ, при изъясненіи образныхъ выраженій. Но прежде постараемся уяснить основную мысль Климента, положенную въ основаніе его „Педагога“, въ связи съ другими большими сочиненіями его, — именно остановимся на двухъ главныхъ пунктахъ — о наставникѣ, воспитателѣ или педагогѣ и о воспитываемыхъ или дѣтяхъ.

Въ основаніе своего сочиненія Климентъ полагаетъ великое понятіе *божественнаго воспитанія*, т. е. наставленія или руководства всего человѣческаго рода. Идея, равно какъ самое названіе даны ап. Павломъ, который называетъ законъ пѣстуномъ (*παιδαγωγός*) во Христа (Гал. 3, 24), на что ссылается и Климентъ: но что тамъ сказано о ветхомъ завѣтѣ въ отношеніи къ новому, Климентъ прилагаетъ къ язычеству¹⁾. Первое его сочиненіе есть „увѣщаніе къ язычникамъ“. Онъ представляетъ имъ съ одной стороны пустое содержаніе ихъ мистерій и сущность ихъ боговъ, чтобы отвлечь ихъ отъ заблужденія и возвратить къ небу; а потомъ выходя изъ того положенія, что во всѣхъ людяхъ, особенно тѣхъ, которые занимаются мудростію, есть стремленіе къ божественному, онъ старается указать въ самихъ язычникахъ слѣды истиннаго богопозна-

¹⁾ Paedag. I, 11

нiя, именно—что философія стремится къ истинѣ и даже находить ее и что поэты также иногда свидѣтельствуютъ о ней ¹⁾. При этомъ примѣнительно къ заглавію этой книги (προτρεπτικός) раскрываются двѣ стороны: свящ. писаніе и мудрыя установленія исправляютъ почти заглушенныхъ порочностью людей, отвращаютъ насъ (ἀποτρέπουσι) отъ пагубнаго обольщенія и обращаютъ насъ (προτρέπουσι) къ возвышенному спасенію ²⁾. О Богѣ говорится, что Онъ есть истинный Отецъ, что Онъ не перестаетъ привлекать, руководить и любить (προτρέπων, παιδεύων, φιλῶν) ³⁾, не какъ учитель учениковъ, или господинъ рабовъ, но какъ отецъ дѣтей.... Призывая ихъ къ спасенію, Онъ взываетъ къ нимъ: приблизилось царство небесное; вѣра введетъ васъ, опытъ научить, писаніе будетъ руководить (παιδαγωγῆσαι) ⁴⁾. А тѣмъ, которые не хотятъ слышать благодатной вѣсти, онъ угрожаетъ наказаніемъ: чрезъ то и другое спасаетъ Господь, воспитывая (παιδαγωγῶν) человѣка страхомъ и благодатію ⁵⁾. Другое сочиненіе Климента назначается тому, кому принадлежитъ дальнѣйшее образованіе тѣхъ, кои отрѣшились отъ мірскихъ похотей и въ вѣрѣ въ Бога нашли свое спасеніе. Здѣсь послѣ вышеуказанной *учительной* дѣятельности, ведущей къ спасенію, дарованному въ христiанствѣ, раскрывается другая дѣятельность Слова, собственно *воспитательная*, направленная къ исправленію душъ, когда оно предписываетъ человѣку, чтó онъ долженъ дѣлать, что можетъ и долженъ позволять себѣ въ словѣ и дѣйствіи. Это проводится въ отношеніи ко многимъ положеніямъ жизни до мельчайшихъ подробностей во второй и третьей книгѣ. Но первая книга трактуетъ объ общихъ вопросахъ: между

¹⁾ Cohort. c. 5, 23. c. 6, 10.

²⁾ Cohort. c. 8, 8—10.

³⁾ Ib. c. 10, 32. Ср. c. 11, 17.

⁴⁾ Ib. c. 9, 40.

⁵⁾ Cohort. c. 10, 23.

прочимъ въ особыхъ огдѣлахъ устанавливается понятіе дѣтей и дѣтководителя или воспитателя. Этотъ послѣдній есть Христосъ, который Самъ называетъ Себя пасыремъ овецъ, т. е. невинныхъ дѣтей. А названіе воспитателя или педагога авторъ выводитъ изъ выраженія пророка Исаи (5, 2), гдѣ погречески читается: я вашъ руководитель (παῖδωντῆς)¹⁾. И какъ прежде закону, какъ пѣсгуну, противопоставлялся Христосъ-руководитель свободной воли²⁾, такъ теперь авторъ противопоставляетъ языческимъ наставникамъ (воспитателямъ) „нашего педагога, святаго Иисуса Бога, руководителя всего человѣческаго рода: Онъ Самъ, человѣколюбивый Богъ, есть педагогъ“, — заключаетъ свои мысли Климентъ.

Другой пунктъ, на который мы должны обратить вниманіе, — понятіе дѣтей, которымъ Климентъ много занимается. Уже въ первомъ своемъ сочиненіи, на основаніи вышеуказанныхъ увѣщаній въ пророческихъ и другихъ писаніяхъ, онъ взываетъ: „приди, приди мой юный народъ; ибо если вы не станете какъ дѣти и не родитесь снова, то вы не получите истиннаго отца и не войдете въ царство небесное... Общество первородныхъ состоитъ изъ многихъ добрыхъ дѣтей (по Матѣ. 18, 3. Евр. 12, 23)... Первородные сыны вы, питомцы Божіи, истинные друзья Перворожденнаго, первые изъ людей, познавшіе Бога и искупленные отъ грѣховъ“³⁾. И онъ противопоставляетъ дальше эту юность естественнымъ возрастамъ: „вы были дѣтьми, говоритъ онъ къ язычникамъ, потомъ отроками, потомъ юношами, потомъ мужами, а добрыми никогда.... Вы состарѣлись въ суетѣхъ; сдѣлайтесь же юными для страха Божія: пусть найдетъ васъ Богъ невинными дѣтьми“⁴⁾. Точно также въ

¹⁾ Paedag. I, 7.

²⁾ Ib. I, 7. I, 6.

³⁾ Cohort. с. 9, 7.

⁴⁾ Ib. с. 10, 34 – 40.

другомъ сочиненіи, гдѣ онъ говоритъ о дѣтяхъ Божіихъ, объясняетъ онъ значеніе этого слова изъ словъ и дѣйствія Спасителя, который, поставивши дѣтей среди учениковъ, указалъ имъ на нихъ, какъ на примѣръ „итакъ не злоупотреблялъ онъ именемъ дѣтей, какъ будто они чрезъ старость стали неразумны, какъ думаютъ нѣкоторые; даже слова „будьте какъ дѣти“ и т. д. нельзя считать не умістными. Ибо мы дѣти, которые не валяемся больше по полу, не пресмыкаемся какъ прежде, по землѣ, подобно змѣямъ, всѣмъ тѣломъ погружаясь въ тину чувственныхъ вожделѣній; но духомъ устремляемся горѣ, отрѣшаемся отъ міра и грѣховъ, касаемся только ногами земли. такъ что мы существуя по-видимому въ мірѣ, слѣдуемъ священной мудрости... Итакъ, мы по справедливости дѣти, которые знаютъ всеединого Бога какъ Отца престога, по дѣтски и чисто“ ¹⁾. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ останавливается на словахъ, въ которыхъ Спаситель благодаритъ Отца за то, что Онъ, тѣ, что утаилъ отъ премудрыхъ и разумныхъ, открылъ младенцамъ (Лук. 10, 21): „Учитель называетъ здѣсь насъ дѣтьми, говоритъ Климентъ, которые способны къ спасенію, чѣмъ мудрые міра, кои сами считаютъ себя мудрыми. Итакъ по справедливости мы дѣти Божіи, мы, которые отложились ветхаго человѣка и совлеклись грѣховной одежды, и облеклись нетлѣніемъ Христа, такъ что мы, какъ святой народъ, чрезъ возрожденіе сохраняемъ непорочнымъ новаго человѣка“ ²⁾.

Въ этихъ объясненіяхъ и увѣщаніяхъ нельзя не обратить вниманія на то, что авторъ, трактуя о переходѣ изъ язычества и о новой жизни вѣрующихъ, включаетъ и себя самого, часто говоря въ первомъ лицѣ. Этотъ пріемъ употребляется имъ даже тогда, когда онъ обращается къ находящимся въ язычествѣ: „не неразумно ли было бы, говорить онъ въ увѣщаніи къ язычникамъ, если бы мы въ то

¹⁾ Paedag. I, 5 15—34.

²⁾ Paedag. I, 6. 16—31.

время какъ Богъ постоянно призываетъ насъ къ добродѣтели, отказались отъ спасенія ¹⁾). И сказавши о мистеріяхъ язычниковъ, которыхъ онъ называетъ безбожниками, потому что они отвергли истиннаго Бога, онъ пользуется обличеніемъ апостола: „вы были чужды завѣтовъ оббгованія, не имѣли надежды и были безбожники въ міръ (Ефес. 2, 12)²⁾). И потомъ увѣщаетъ: сотворите же покаяніе и обратитесь отъ невѣдѣнія къ знанію, отъ неправды къ правдѣ, отъ безбожія къ Богу ³⁾). Это одинъ пріемъ увѣщанія. Въ Педагогѣ, при аллегорическомъ объясненіи помазанія Христа грѣшницею, онъ употребляетъ другой, обращаясь къ язычникамъ увѣровавшимъ и говоритъ: „слезы же означаютъ покаяніе, мы—грѣшники, содѣлавшіе покаяніе и увѣровавшіе въ Него, которымъ онъ оставилъ грѣхи“ ⁴⁾). Но и первый пріемъ увѣщанія онъ заимствовалъ изъ общаго христіанскаго сознанія, въ силу котораго онъ могъ сказать въ увѣщаніи: „мы, которые нѣкогда были сынами неправды, чрезъ человеколюбіе Слова стали теперь сынами Божиими“ ⁵⁾). Впрочемъ, въ Педагогѣ онъ даетъ замѣтить, что онъ принадлежитъ къ пастырямъ, предстоящимъ въ церкви ⁶⁾).

Этотъ рядъ представленій получаетъ свое торжественное завершеніе въ гимнѣ. Ибо цѣль его—воспѣть руководителя дѣтей⁷⁾), пастыря царственныхъ агнцевъ. И поющіе—невинныя дѣти: эта мысль проходитъ чрезъ весь гимнъ. Даже религіозное одушевленіе обоихъ вышеназванныхъ сочиненій, авторъ коихъ не безъ нравственнаго аффекта изображаетъ дѣло обращенія изъ язычества въ христіанство,

¹⁾ Cohort. с. 1, 33.

²⁾ Cohort. с. 2, 6.

³⁾ Ib. с. 10, 14.

⁴⁾ Paedag. II, 8. 39.

⁵⁾ Cohort. с. 2, 15.

⁶⁾ Paedag. I, 6. 28.

⁷⁾ Παῖδων ἡγούμενα вмѣсто παιδαγωγός.

имѣя въ виду вмѣстѣ и свою личность, высказывается здѣсь въ лирическомъ тонѣ, такъ что въ гимнѣ нельзя не узнать произведенія того же автора.

Если же назначеніе гимна такимъ образомъ состояло въ томъ, чтобы быть заключеніемъ «Педагога», то не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, что онъ назначался для общественнаго богослуженія. Но съ другой стороны въ этомъ своемъ сочиненіи Климентъ вращается внутри сознанія общества; и если онъ, въ заключеніе, чувствовалъ себя вынужденнымъ дать благочестивому настроенію хвалебно-пѣсенное выраженіе, то въ этомъ заключается въ тоже время возможность употребленія гимна и при общественномъ богослуженіи, тѣмъ больше, что не библейскіе, свободно—составленные гимны допускались при богослуженіи этого времени.

III.

Въ гимнѣ обращеніе вѣрующихъ ко Христу выражается въ тройственномъ воззваніи: во первыхъ, въ воззваніи къ Нему какъ *воспитателю* и *руководителю*, чтобы Онъ Самъ собралъ дѣтей своихъ прославлять Его; потомъ какъ *пастырю* и *царю* святыхъ, чтобы Онъ велъ стадо свое и управлялъ имъ; и наконецъ, какъ вѣчному *Слову*. Въ заключеніе ликъ или хоръ мира призывается прославлять Бога мира.

Прекрасно введеніе или начало гимна. Вѣрующіе, какъ дѣти, призываютъ небеснаго наставника своего, чтобы Онъ Самъ собралъ ихъ — свято славить Его устами чистыми. Воззваніе это имѣетъ даже богословское значеніе въ отношеніи ученія греческихъ отцовъ, и именно alexandрійскихъ, которые такъ высоко цѣнили свободу воли и самостоятельное начинаніе, что здѣсь относится ко Христу даже начинаніе— собраться для прославленія Его.

Но важнѣе въ воззваніи имена, какими называется Христосъ. Что Онъ называется *пастыремъ*,—это естественно

и понятно, потому что Самъ Онъ называетъ Себя добрымъ пастыремъ. Сочиненія и гимнъ Климента, быть можетъ, особенно упрочили въ сознаніи церкви и возвысили въ глазахъ вѣрующихъ какъ названіе, такъ и образъ добраго пастыря, подѣ которымъ безчисленное множество разъ встрѣчается Іисусъ Христосъ на памятникахъ древнехристианскаго искусства: во время Тертуліана «пастыря добраго» изображали по свхаристической чашѣ. Нѣкотораго объясненія требуютъ прежде всего три рѣдкіе образа, подѣ которыми выражается отношеніе Іисуса Христа къ вѣрующимъ Онъ называется *уздой*, *крыломъ* и *кормиломъ*,—уздой, въ отношеніи къ неопытнымъ лошадямъ, крыломъ въ отношеніи къ незаблуждающимся птицамъ, кормиломъ въ отношеніи къ кораблю. Спрашивается, откуда взяты эти образы. Два первые напоминаютъ Платона, котораго Климентъ высоко чтитъ и ученіе котораго приводитъ не разъ въ своихъ сочиненіяхъ. Въ Платоновомъ сочиненіи «Федръ» встрѣчаются два извѣстныхъ сравненія,—именно, трактуется о крыльяхъ души, сила коихъ состоитъ въ томъ, чтобы легкое поднимая возносить туда, гдѣ обитаетъ родъ боговъ, и—о наѣздникѣ правящемъ уздой двухъ лошадей, изъ коихъ одна добрая и благороднаго происхожденія и легко повинующаяся, другая, напротивъ, своенравная не боящаяся ни иппоръ, ни кнута наѣздника, но которая, если она блесится и закусываетъ удило, такъ зануздывается наѣздникомъ, что языкъ и губы раздраются до крови. Здѣсь такимъ образомъ употребляются узда и крылья; но крылья принадлежатъ къ природѣ души, равно какъ и узда является управляющею силою, а наѣздникъ. Собственно-платоновское, значить, не взято авторомъ гимна, и такъ какъ узда и крылья, въ качествѣ образовъ встрѣчаются и у другихъ писателей и даже въ священномъ писаніи, то и нѣтъ необходимости въ употребленіи ихъ въ гимнѣ видѣть вліяніе Платона. Священное же писаніе употребляетъ образъ крыльевъ въ отношеніи къ тѣмъ, которые надѣются на Господа (Ис. 40 31) и въ

отношеніи къ Богу, который водилъ народъ свой какъ орелъ носигъ своихъ птенцовъ на крыльяхъ своихъ (Второз. 32, 11). Равнымъ образомъ образъ узды, вмѣстѣ съ образомъ руля или кормила употребляется въ посланіи Іакова (3, 3. 4).

Эти образы часто встрѣчаются у Климента и въ другихъ сочиненіяхъ: онъ сравниваетъ напр. язычниковъ, не принимающихъ евангелія съ упрямыми лошадьми, закусывающими удила ¹⁾. напротивъ, христіанъ сравниваетъ онъ съ молодыми лошадьми (жеребятами.) такъ какъ они не взяли на себя ига беззаконія,—при чемъ, въ противоположность имъ, онъ упоминаетъ о ржущихъ коняхъ, которымъ уподобляетъ пророкъ іудеевъ, питавшихъ преступную похоть къ чужимъ женамъ ²⁾. А также о Христѣ Климентъ говоритъ, что Онъ, какъ бы многими уздами невѣжествий людскихъ связанъ, и что Онъ нѣкогда руководилъ посредствомъ закона, который былъ какъ бы уздою съ трудомъ сдерживаемыхъ дѣтей ³⁾.

Затѣмъ, послѣ увѣщанія язычникамъ не затыкать уши, подобно аспиду (Пс 58, 5), хотя быть мудрыми, какъ змѣи, и невинными какъ голуби (Мато. 10, 16),—Климентъ продолжаетъ: «быть можетъ, и вамъ дастъ Господь крылья, ибо первородные назначены быть окрыленными, чтобы вы, оставивъ земное жилище, вселились въ небесахъ» ⁴⁾.

Наконецъ, увѣщавая язычниковъ, чтобы они отъ земныхъ занятій и при самыхъ этихъ занятіяхъ возвышались къ плъ вѣчному назначенію, онъ дѣлаетъ такого рода сравненія «совершай мореплаваніе, если ты корабельщикъ. но

¹⁾ Cohort. c 10, 20

²⁾ Іерем. 58.—Раддаг I, 5 20

³⁾ Раддаг I, 9 32, I, 11, 20

⁴⁾ Cohort. c 10, 30

призывай небеснаго кормчаго»¹⁾). И въ связи съ гомеровскимъ мнѣмъ о сиренахъ и путешествіи Одиссея на ихъ островъ, Климентъ увѣщааетъ плыть мимо этой темницы мертвыхъ: «крѣпко держась мачты, ты избѣжишь всякаго крушенія; Слово Божіе будетъ направлять тебя и Св. Духъ вселить тебя въ пристань небесную»²⁾). Въмѣсто кормчаго въ гимнъ упогреблено кормило.

Всѣ три образа—узда, крыло и кормило какъ бы олицетворяетъ собою образъ добраго пастыря, который ведетъ овецъ своихъ правымъ путемъ и не позволяетъ заблудиться. Даже образъ крыла легко совмѣщается въ образъ добраго пастыря, такъ какъ крыло опредѣляетъ вѣрный полетъ не-лаблуждающейся птицы; а съ другой стороны образъ этотъ выражаетъ пѣжное покровительство и защиту, — чему соотвѣтствуетъ представленіе пастыря несущаго овцу на плечахъ, подобно орлу носящему на крыльяхъ птенцовъ своихъ.

Кромѣ этихъ образовъ гимнъ содержитъ въ своихъ воззваніяхъ множество другихъ названій и образовъ Христа въ томъ видѣ, какъ упогребляются они у Климента и въ другихъ сочиненіяхъ и какъ они частію были уже общеприняты въ древней церкви, частію вошли въ общее употребленіе послѣ Климента. Самъ Спаситель предлагалъ такіе образы, частію непосредственно, когда называлъ себя хлѣбомъ жизни, свѣтомъ міра, дверью, истиною, лозою, частію чрезъ свои притчи. Къ нимъ присоединяли потомъ ветхозавѣтныя представленія, частію прямые пророчества, частію аллегоріи, къ Нему относящіяся, или же имена Божіи, переносимыя на Іисуса Христа; и такъ обр. составилъ обширный кругъ названій, которые передавались въ прозѣ и стихахъ.

¹⁾ Cohort. c. 10, 12

²⁾ Cohort. c. 12, 25.

Въ гимнѣти названія касаются съ одной стороны *сущности* Иисуса Христа, особенно Его божественной природы. Такъ Онъ называется вѣчнымъ: *вѣчнымъ Словомъ*, *вѣчнымъ свѣтомъ*, а также, по свойственному тому времени словоупотребленію, *беспредѣльнымъ эономъ* (вѣкомъ): каковое названіе не есть лишь простое повтореніе вышеуказаннаго свойства, но, въ принятомъ тогда значеніи слова, заключаетъ въ себѣ намекъ на еретическое ученіе объ эонахъ. Потому онъ называется *державнымъ* (*παυτοκράτωρ*),—впрочемъ въ другихъ сочиненіяхъ Климента чаще употребляется выраженіе *παυτοκράτωρ* ¹⁾). Дальше названіе „свѣтъ“ особенно часто употребляется у Климента; онъ называетъ Иисуса Христа этимъ именемъ, какъ въ смыслѣ откровенія (какъ Іоан. 1, 19): „Онъ есть истинный свѣтъ“ ²⁾), такъ въ особенности въ Его отношеніи къ Отцу (какъ Евр. 1, 3); такъ онъ называетъ Слово первообразнымъ свѣтомъ свѣта ³⁾), и говоритъ, что оно быстрѣе солнца исходитъ изъ отеческой воли ⁴⁾). Наконецъ, въ гимнѣ I. Христосъ называется *Богомъ мира*, какъ у ап. Павла (1 Тимот. 3, 16 и др.).

Другія названія, употребляемыя въ гимнѣ, выражаютъ *отношенія* I. Христа къ людямъ, Его господство надъ вѣрующими. Такъ онъ называется *царемъ святыхъ*, *царемъ дѣтей непорочныхъ*, *непорочною жизнію пшеницы Божіихъ*, подобно тому, какъ ап. Павелъ называетъ Его своею жизнію (Фил. 1, 21. Гал. 2, 20). Къ названіямъ—пастырь, кормило, узда, крыло, употребленнымъ въ началѣ гимна и не разъ повторяемымъ, присоединяются *дѣлатель* (*ἀροτήρ*) и *ловца*,—названія, которыя употреблялъ самъ Иисусъ Христосъ и которыя встрѣчаются у Климента и въ другихъ сочиненіяхъ: такъ

¹⁾ Paedag. III, 7. 32. Strom. IV, 16. 35.

²⁾ Strom. II, 5. 18.

³⁾ Cohort. c. 10, 32: φωτὸς ἀρχέτυπον φωτός.

⁴⁾ Ib. c. 10. 12.

онъ называетъ І. Христа дѣлателемъ Божіимъ или божественнымъ (θεουργός) ¹⁾; и какъ прежде совѣтывалъ помнить небснаго кормчаго, такъ въ другомъ случаѣ, именно говоря о символахъ, какіе прилично христіанамъ вырѣзывать на перстняхъ, увѣщаваетъ напоминать себѣ ловца апостола (т. е. Петра) и изъ воды извлеченныхъ дѣтей (т. е. вѣрующихъ) ²⁾. Наконецъ выраженіе „*стопы Христовы*“ или „*стеязя Христова*“ означаетъ путь къ небу,—путь, на которомъ Онъ предварилъ вѣрующихъ: какъ въ отношеніи жизни ихъ на землѣ, гдѣ они должны итти по слѣдамъ Его (1 Петр. 2, 21), такъ и въ будущемъ царствѣ, гдѣ Онъ является нашимъ предтечею (Евр. 6, 20). И этотъ образъ встрѣчается у Климента въ „Увѣщаніи къ язычникамъ“, которыхъ онъ, такъ какъ они находятся еще во грѣхѣ, спрашиваетъ: кому говоритъ Господь: „ваше есть царство небесное?“ и на возраженіе: какъ взойду я на небо?—отвѣчаетъ: Господь есть путь,—хотя узкій, но отъ неба, хотя узкій, но ведущій къ небу ³⁾,—при чемъ, кромѣ Іоан. 14, 6. Матѳ. 7, 14, приводитъ слова Іисуса Христа Іоан. 3, 13. 31. Точно также у Климента можно найти ключъ къ пониманію выраженія гимна „*небесное молоко изъ сладкихъ сосцевъ мудрости источенное*“,—именно во второмъ его сочиненіи. Опровергая мнѣніе, будто названіе дѣтей указываетъ на начатки ученія, онъ входитъ въ подробное объясненіе выраженія ап. Павла: я питалъ васъ какъ дѣтей молокомъ, а не твердою пищею (1 Кор. 3, 2) ⁴⁾. Но Климентъ разумѣлъ подъ молокомъ духовное питаніе вообще, которое отъ Христа исходитъ и которое Онъ самъ есть. Господь, говоритъ Климентъ, не призналъ блаженными сосцы жены (Лук. 11, 27); но послѣ того, какъ человеколюбивый Отецъ послалъ

¹⁾ Cohort. с. 11, 29. Paedag. II, 8. 4.

²⁾ Paedag. III. 11, 7.

³⁾ Cohort. с. 10, 20.

⁴⁾ Paedag. I, 6. 39.

Слово,—Онъ самъ сталъ духовною пищею для мудрыхъ. Одинъ Отецъ, одинъ Сынъ и одинъ Духъ Святый; одна мать и дѣва, церковь, которая собираетъ своихъ дѣтей и питаетъ святымъ молокомъ, Словомъ¹⁾. Впрочемъ, Климентъ даетъ вышеприведенному апостольскому выраженію еще другое толкованіе: „пища есть Господь Иисусъ, воплотившееся Слово Отца; чрезъ Него вѣруя въ Бога, мы притекаемъ къ груди Отца Слова и Опъ одинъ даетъ намъ млеко любви²⁾. При этомъ часто повторяется образъ „материнской груди“.

Этимъ названіямъ Иисуса Христа въ гимнѣ соотвѣтствуютъ названія вѣрующихъ. Главнымъ образомъ они называются дѣтьми Его,—*дѣтьми невинными, непорочными, которые нѣжными устами вскормлены, нѣжнымъ дыханіемъ материнской груди исполнены*, и которые вѣряются Его руководству. Кромѣ того вѣрующіе являются подъ образами молодыхъ, дикихъ, неопытныхъ *жеребятъ или ословъ*, управляемыхъ педагогомъ, какъ *уздой, птенцовъ*, направляемыхъ небеснымъ крыломъ и летающихъ вѣрно, подъ образомъ *корабля*, управляемаго надежнымъ кормиломъ. Затѣмъ, называются они также *рожденными отъ Христа (χριστόγονοι)* и *спасенными* или *точнѣе спасаемыми*,—какъ часто они называются въ священныхъ книгахъ (Дѣян. 2, 47. 1 Кор. 1, 18), потому что дѣло Его не окончено въ отношеніи къ нимъ, а продолжается,—и *людьми святыми*. Въ противоположность пастырю вѣрующіе называются *стадомъ святымъ, разумными овцами, царственными агнцами*, не потому только, что они принадлежатъ царю, но и потому, что они сами (какъ царское священство 1 Петр. 2, 9), принимаютъ участіе въ царскомъ служеніи Иисуса Христа и нѣкогда будутъ царствовать съ Нимъ. Образу ловца смертныхъ соотвѣтствуютъ *рыбы* чистыя, во враждебныхъ волнахъ моря нечестія сладкою пищею уловляемыя.

¹⁾ Paedag. I, 6. 5.

²⁾ Paedag. I, 6. 4. 35.

И заключеніе гимна, въ которомъ хоръ мира, отраженные Христовы призываются прославлять Бога мира,—содержитъ мысли и выраженія, которыя свойственны Клименту.

Прежде всего *миръ* представляется у Климента какъ основное свойство христіанства: христіане составляютъ, по его выраженію, мирный родъ (*τὸ εἰρηνικὸν γένος*), въ противоположность скивамъ и другимъ воинственнымъ народамъ¹⁾. Но и вопреки окружающему языческому міру, Климентъ, изображая въ этомъ отношеніи собственно христіанскій образъ жизни, указываетъ на спокойствіе, тишину и миръ, какъ существенныя отличительныя черты²⁾.

Потомъ, выраженіе *хоръ* Климентъ часто употребляетъ въ отношеніи къ обществу какъ христіанъ. такъ и язычниковъ. Въ самомъ началѣ „Увѣщанія къ язычникамъ“ онъ упоминаетъ о пѣсни Амфіона и Аріона, которая еще пѣла была въ его время хоромъ эллиновъ; и онъ называетъ ихъ безбожными сообщниками хора суевѣрія³⁾. Потомъ, онъ говоритъ о хорѣ философовъ⁴⁾ и не разъ упоминаетъ о пророческомъ хорѣ⁵⁾, равно какъ о единомысліи и согласіи вѣрующихъ, повинующихся одному хороначальнику—Слову⁶⁾. Ближайшее же отношеніе къ гимну имѣетъ выраженіе: „хоръ дѣтей—мы новый народъ“⁷⁾.

Наконецъ, Климентъ въ своихъ сочиненіяхъ характеризуетъ *пѣніе этого хора*, сопоставляя его съ языческимъ и ссылаясь на вехозавѣтныя писанія. Въ „Увѣщаніи къ язычникамъ“ онъ противопоставляетъ вакхическимъ мистеріямъ

¹⁾ Paedag. II, 2. 5.

²⁾ Paedag. II, 7. 40.

³⁾ Cohort. c. 1. c. 10, 32.

⁴⁾ Cohort. c. 4, 5.

⁵⁾ Ib. c. I, 5. c. 8, 12.

⁶⁾ Ib. c. 8, 27.

⁷⁾ Paedag. I, 5. 17. Ср. II, 4. 8.

христіанскія тайинства, изображая послѣднія по примѣру первыхъ ¹⁾. „Это — гора, любимая Богомъ, которая не служить сценою трагедій, какъ Киѳеропъ, но посвящается дѣламъ мудрости: гора трезвости, осѣняемая священными рощами. На ней не менады совершаютъ вакхическія празднества, освящая ихъ страшною плотскою жертвою; но дочери Божіи, прекрасные агнцы празднуютъ достохвалныя торжества Агнца, составляя скромный хоръ. Хоръ суть праведные, пѣснь — гимнъ всемогущаго царя.... Таково торжество моихъ мистерій. Если хочешь, посвятись и ты; и ты, ради Того, Кто безъ начала и безъ конца, ради единого истиннаго Бога, будешь составлять хоръ съ ангелами, вмѣстѣ съ ними вторя гимнъ Слова Божія“. — Къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ обращается онъ, когда изображаетъ вечера и всю жизнь христіанъ, въ противоположность языческой жизни ²⁾. Гимны должны быть хвалебными пѣснями Бога: должно хвалить Его, сказано, въ хорѣ, пѣть Ему съ гуслями и тимпанами (Пс. 149, 3). А кто составляетъ поющій хоръ? Самъ Духъ пусть скажетъ тебѣ это: „хвала Его въ церкви преподобныхъ“ (Пс. 149, 1).

Итакъ, гимнъ, находящійся въ концѣ сочиненія Климента „Педагогъ“, подготовленъ цѣлымъ содержаніемъ и характеромъ его сочиненій, особенно послѣдняго; и полное согласіе содержанія гимна съ цѣлымъ образомъ представленій Климента приводитъ къ убѣжденію, что онъ не готовымъ найдетъ Климентомъ, а имъ самимъ составленъ.

Что же касается того, что слѣдующая за гимномъ молитва начинается словами: „и я Тебѣ, наставникъ добрый, приношу вѣнецъ молитвъ“, повидимому, указывающими на то, будто предшествующій ей гимнъ Климентъ не считаетъ своимъ произведеніемъ, — то это можетъ только ка-

¹⁾ Cohort, с. 12.

²⁾ Paedag. II, 4.

заться съ перваго взгляда. Если же внимательнѣе всмотрѣться во внутреннее отношеніе разнородныхъ частей, изъ которыхъ слагается цѣлое: т. е. молитвы, предшествующей «Педагогу», содержанія самаго сочиненія, гимна и наконецъ молитвы, то отдѣленіе одной части, какъ произведенія Климента, отъ другой, какъ бы приводимой имъ, является нарушеніемъ внутренней связи и гармоніи цѣлаго. Въ молитвѣ, сочиненіи и гимнѣ Климентъ думаетъ и чувствуетъ, какъ живой членъ общества: въ обществѣ, вмѣстѣ съ обществомъ и отъ лица общества возносить молитву и воспѣваетъ гимнъ общему наставнику и пастырю. Но къ этому общему голосу онъ хочетъ присоединить еще особо свой голосъ, лично отъ себя вознести молитву доброму наставнику и и при томъ молитву заключительную, вѣнецъ молитвъ. уже вознесенныхъ имъ вмѣстѣ съ обществомъ. Такимъ образомъ, не смотря на грамматическое отдѣленіе Климентомъ послѣдней молитвы, какъ будто ему лично принадлежащей, отъ гимна, составляющаго повидимому пѣснь церковную, логическій строй всего сочиненія даетъ полную возможность признать какъ молитву, такъ и гимнъ произведеніемъ одного и того же автора.

IV.

Гимнъ Климента, независимо отъ изданія его вмѣстѣ съ сочиненіями Климента, рано уже изданъ былъ за границей два раза отдѣльно отъ нихъ: въ 1598 году Морелломъ и въ 1681 г. Капелломъ; потомъ нѣсколько разъ помѣщался въ разныхъ сочиненіяхъ: въ сборникахъ Рамбаха, Даниеля, Шлоссера, и въ сочиненіяхъ Рейнвальда, Шультесса и Коха.

Пробудившійся на западѣ интересъ къ гимнамъ древней церкви вообще и въ особенности вниманіе, какое привлекъ къ себѣ этотъ древнѣйшій гимнъ,—вызвали цѣлый рядъ переводовъ его; таковы: переводъ Мюнтера, Шультесса, Гагенбаха, Фортляге и Шлоссера.

Въ нашей богословской литературѣ гимнъ Климента переведенъ пр. Филаретомъ черниговскимъ, съ нѣкоторыми замѣчаніями. Гимнъ, по его словамъ, написанъ спондеями и дактилями. Пр. Филаретъ дѣлитъ его на нѣсколько строфъ. Переводъ не вездѣ точенъ и мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя подстрочныя замѣчанія.

Въ переводѣ пр. Филарета гимнъ читается такъ:

„Неукротимыхъ онагровъ смиритель ¹⁾),

Крыло птенцовъ летающихъ вѣрно,

Непоколебимое кормило юношей ²⁾

Пастырь олицевъ царственныхъ

Твоихъ невинныхъ

Дѣтей собери

Свято славить,

Искренно пѣть

Устами чистыми

Тебя вождь дѣтей—Христа!

Царь святыхъ,

Державныи Слове

Отца превышняго,

Податель мудрости,

Крѣпость страждущихъ,

Владыка вѣчности,

Рода смертнаго

Спаситель Иисусе!

Пастырь и дѣлатель,

¹⁾ Словомъ „смиритель“, переведено греч. στυμιον—узда, выраженіе неукротимыхъ онагровъ“ не точно выражаетъ мысль Климента, который подъ непокорными, неопытными ослатами разумѣлъ язычниковъ, не безъ отношенія, быть можетъ, къ тому „жребію“, которое приведено было І. Христу вмѣстѣ съ подъяремною ослицею, у отцевъ церкви встрѣчается мысль, что послѣдняя представляла собою иудеевъ, находившихся подъ игомъ закона, а первое—язычниковъ, свободныхъ отъ этого ига; эта же мысль есть и у Климента, какъ видно изъ вышеизложенныхъ объясненій.

²⁾ Нѣтъ перевода словомъ „стражей“.

Кормило, узда,
Небесное крыло
Стада святого!
Ловецъ челоуѣковъ,
Тобой спасаемыхъ,
Въ волнахъ непріязныхъ
Моря нечестія,
Рыбы чистыя
Сладкой пищей уловляющій!

Веди насъ Пастырь
Разумныхъ овецъ!
Веди насъ Святый
Царь дѣтей непорочныхъ!
Веди по стезь ¹⁾ Христовой.
Ты путь небесный
Слово превъчное,
Вѣкъ ²⁾ безпредѣльный,
Свѣтъ превъчный,
Источникъ милости,
Правитель добродѣтели,
Жизнь непорочная
Пѣвцевъ Божіихъ—Христе Иисусе!

Небесное млеко,
Изъ сладкихъ сосцевъ
Дѣвы ³⁾ благодатной—
Мудрости Твоей источникъ!
Мы твои дѣти!
Нѣжными устами
Воскормленные,
Нѣжнымъ дыханіемъ

¹⁾ Ἰχθυα переводятъ стоны Христовы,—смысль одинъ и тотъ же.

²⁾ Αἰών.

³⁾ Νύμφης—здѣсь разумѣется не личность Богородицы; это—олицетвореніе мудрости.

*Материнской груди
Исполненные,
Пѣсни простыя,
Гимны невинныя
Христу Царю
Въ награду святую
За ученіе жизни
Поемъ всѣ купно;
Поемъ просто
Отрока державнаго.*

*Вы, ликъ мира,
Дѣти Христовы,
Люди святые!
Пойте всѣ купно Бога мира!*

Θ. Смирновъ.